

КАНЦЕЛЯРСКО-ДЕЛОВЫЕ ОБОРОТЫ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»

Анализ повести «Котлован» можно начать с любой яркой детали текста. Уже первая фраза содержит в себе несколько так называемых отклонений от нормы. «В день тридцатилетия личной жизни Воцеву дали расчет с небольшого механического завода, где он добывал средства для своего существования» [1, с. 101].

Прежде всего здесь обращает на себя внимание употребление слов *жизнь* и *существование*. В результате включения фразеологизма *личная жизнь* в состав комбинированного словосочетания *в день тридцатилетия личной жизни* слово *жизнь* наряду с присущим ему в данном случае фразеологически связанным значением приобретает и второе, более широкое значение «время от рождения до смерти». Контекст в данном случае не снимает многозначности, а, напротив, обуславливает одновременную реализацию двух значений слова. В основе выражения *добывал средства для своего существования* также лежит фразеологизм (*средства к существованию*). Использование определения *своего* и замена предлога приводят к разрушению фразеологического единства, в результате чего слово *существование* также утрачивает фразеологически связанное значение и приближается по своей семантике к слову *жизнь*, что может быть воспринято в данном микротексте как плеоназм (т.е. многословие, словесное излишество). Случайны или нет замеченные нами «неправильности», можно определить лишь при сопоставлении этого фрагмента с другими. Сравним два диалога, участники которых используют в своей речи слова *жизнь* и *существование*. Первый происходит между Воцевым и безымянным представителем завкома: «Администрация говорит, что ты стоял и думал среди производства, — сказали в завкоме. — О чем ты думал, товарищ Воцев? — О плане жизни. — Завод работает по готовому плану треста. А план личной жизни ты мог бы проработывать в клубе или в красном уголке. — Я думал от плане общей жизни. Своей жизни я не боюсь, она мне не загадка. — Ну и что же ты мог бы сделать? — Я мог бы выдумать что-нибудь вроде счастья, а от душевного смысла улучшилась бы

производительность» [1, с. 103]. Второй диалог происходит между рабочими-землекопами и Вощевым, когда он впервые приходит на котлован: «Ты зачем здесь ходишь и существуешь? – спросил один, у которого от измождения слабо росла борода. – Я здесь не существую, – произнес Вощев, стыдясь, что много людей чувствуют сейчас его одного. – Я только думаю здесь. – А раде чего же ты думаешь, себя мучаешь? – У меня без истины тело слабнет, я трудом кормиться не могу, я задумывался на производстве, и меня сократили... – Что же твоя истина! – сказал тот, кто говорил прежде. – Ты же не работаешь, не переживаешь вещества существования, откуда же ты вспоминаешь мысль!» [1, с. 111].

Мы видим, что слова *жизнь* и *существование* в этом контексте утрачивают жесткую семантическую определенность, приобретаая функции гибкого, подвижного и неисчерпаемого по своему значению символа. Как и в первой фразе повести, это достигается за счет расширения семантического объема слов, включения их в неожиданный контекст. Так, в выражении *план жизни* слово *жизнь* употреблено в наиболее широком его значении («существование вообще, бытие в движении и развитии»). Это широкое понимание недоступно «представителю завкома», который стремится привести все проявления жизни в «соответствие со своим канцелярским мировидением», расчлнить, ограничить, поместить в соответствующую графу («план личной жизни»). Вощев и его собеседник говорят на разных языках, и это становится источником смыслового конфликта, играющего большую роль в понимании идеи повести. Выражением этого конфликта является, в частности, различное использование героями повести официально-деловой лексики и фразеологии. Если в устах «представителя завкома» и других «богатых начальников бедноты» канцелярит служит прежде всего сигналом омертвелости их языка и мышления, отчужденности от жизни, то для Вощева, рабочих-землекопов, «бедных и средних мужиков» канцелярские слова и выражения заключают в себе потаенный вышший смысл.

Так, в первом из процитированных диалогов возникает контекстуальный синонимический ряд: *план жизни – душевный смысл – счастье*. Позже в повести появляется еще одно выражение, которое также

можно включить в этот ряд – *всемирный устав* («он по-прежнему не знал, есть ли что особенное в общем существовании, ему никто не мог прочесть на память всемирного устава» [1, с. 164]). Герои Платонова связывают непонятный им официально-деловой язык с идеей власти, идеей силы. Канцелярские слова и выражения для них – не просто слова, а особые магические действия, способные преобразовать не только социальную действительность, но и все мироустройство в целом: «Вошев, опершись о гробы спиной, глядел с телеги вверх – на звездное собрание и в мертвую массовую мусть Млечного пути. Он ожидал, когда же там будет *вынесена резолюция* о прекращении вечности времени, об искуплении томительности жизни» [1, с. 169].

Было бы ошибкой видеть в таком восприятии и словоупотреблении проявление младенческого сознания и умственной неразвитости героев Платонова. Именно такое восприятие очень точно соответствует глубинной внутренней форме делового языка, его изначальной императивной функции: «как сказано, так и стало».

Все сказанное выше позволяет сделать предположение, что использование канцелярско-деловых оборотов в тексте «Котлована» не является случайным. Это одна из существенных черт образа автора. Постижение образа автора – это путь к постижению того общего начала, «обобщенной индивидуальности», которая потенциально присутствует в каждом, но получает адекватное выражение только в произведениях выдающихся мастеров слова, к которым, безусловно, можно отнести и Андрея Платонова.

Литература

1. Платонов А.П. Повести и рассказы. – М., 2004. – 416 с.